

И. М. Жордания

**НАРОДНОЕ МНОГОГОЛОСИЕ, ЭТНОГЕНЕЗ
И РАСОГЕНЕЗ**

В последние десятилетия усилился интерес исследователей к таким кардинальным вопросам истории человечества, как этногенез и расогенез. Разумеется, было бы совершенно немыслимо в предлагаемой статье даже просто перечислить все основные публикации в этой области. Однако нельзя не констатировать с сожалением, что в работах различных дисциплин, занимающихся изучением вопросов этногенеза (языковедение, история, археология, антропология, этнография), не говоря уже об изучении расогенеза, на музыкальные данные не обращается фактически никакого внимания (сама этномузыкология чуть ли не формально входит в раздел «этнография»). Данное положение вещей, видимо, и по сей день считается совершенно нормальным. Вспомним хотя бы работу Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы», по своим масштабам и затронутым в ней вопросам представляющую выдающееся явление в современной мировой науке; и даже в ней нет ни одного факта из музыкальной жизни какого-либо народа (единственная музыковедческая работа, приведенная в списке литературы¹, упоминается только в связи с выяснением путей формирования шестнадцатисложника у славянских народов путем удвоения двух восьмисложных строчек).

Такая ситуация, видимо, возникла в связи с методологическими сложностями типологизации и классификации элементов самой музыкальной материи. Внесение полной ясности в эти вопросы — дело будущего. Цель же настоящей статьи — аргументированная постановка вопроса о необходимости включения данных музыкологии (особенно этномузыкологии) в комплекс наук, изучающих столь важные для понимания истории человечества проблемы.

Оговорим здесь же, что музыка и этногенез — это отдельная, более широкая тема. В плане постановки вопроса она была выдвинута И. И. Земцовским². Ниже пойдет речь лишь об одной, но весьма важной, специфической форме музыкального мышления — о многоголосии, о необходимости включения данных о нем в комплекс наук, изучающих этногенез.

Само многоголосие как явление мировой музыкальной культуры — загадочно. До сих пор нет единства по такому важному вопросу, как стадийность или нестадийность его генезиса. Распространено мнение, основывающееся в большой степени на эмпирическом наблюдении и, видимо, на опыте истории европейской профессиональной музыки, что многоголосие — явление стадийное и что оно — закономерный этап развития одноголосия. При этом надо отметить, что один из основоположников этой точки зрения Р. И. Грубер³ еще почти полвека назад отметил, что в некоторых, весьма развитых цивилизациях (например, в китайской и индийской) не было и нет многоголосия, в то время как, казалось бы, совершенно неожиданно оно встречается у некоторых народов Центральной Африки или Океании.

Была выдвинута и противоположная точка зрения⁴ о том, что первичным нужно считать именно многоголосие, что одноголосие — это откристиллизовавшаяся форма первичного многоголосия. Анализ этих двух главных концепций не относится к цели настоящей статьи, хотя постепенно станет ясно, что многоголосие и вопросы этногенеза и расо-

¹ *Земцовский И. И.* Мелодика календарных песен. Л., 1975.

² *Земцовский И. И.* Этногенез в свете музыкального фольклора//Народно стваралаштво (Folklor). Београд, 1969. Год VIII. Св. 29/32. С. 201—211. См. также статью И. И. Земцовского в этом номере журнала.

³ *Грубер Р. И.* История музыкальной культуры. Т. 1. Ч. I—II. М., 1941.

⁴ *Харлап М. Г.* Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки//Ранние формы искусства. М., 1972.

гене́за рассматриваются именно в связи с возникновением этого удивительного феномена мировой народной музыкальной культуры.

Загадочность многоголосия прежде всего проявляется в его стратиграфическом распределении на карте мира. Очаги распространения многоголосия с очевидностью не коррелируют ни с языковыми семьями, ни с географическими ареалами, хозяйственными типами, мировыми религиями, социальным и культурным уровнем развития обществ. Кажется, ясно, почему музыковеды сталкиваются с трудностями при выяснении вопросов происхождения этого явления: его «капризность» по отношению ко всем вышеназванным важнейшим факторам общечеловеческой истории культуры хорошо известна. Но остался еще один, существеннейший фактор — антропологический, о котором и пойдет речь.

Постараемся проследить, насколько реален постулируемый автором тезис о совпадении антропологических и музыкальных данных⁵. Начнем с одной республики и постепенно расширим сопоставления.

Первая ступень — Грузия. Хорошо известно, что в большей части Грузии (кроме сванов и мегрелов) распространен грузинский язык. По музыкальным же данным⁶ вся Западная Грузия целиком — имеретинцы, гурийцы, аджарцы, рачинцы, а также сваны и мегрелы (при наличии общегрузинского музыкального корня) имеют более близкие типологические связи, отличающие их от населения Восточной Грузии. Более того: можно говорить о двух «стволах» единого грузинского музыкального языка (Западная Грузия — так называемое «комплексно-полифоническое» многоголосие, Восточная Грузия — полное преобладание так называемого бурдонного многоголосия). Это деление фактически полностью совпадает с делением грузин на три антропологических типа: кавкасионский, колхский (понтский) и смешанный — переднеазиатский с кавкасионским. Первые два, генетически прямо взаимосвязанные, известны в Горной и Западной Грузии. У представителей древнейшего антропологического типа — кавкасионского (жители горных районов Кавказа) сохранены и самые архаичные пласты грузинского многоголосия; у жителей Восточной Грузии (синтез двух антропологических типов — кавкасионского и переднеазиатского⁷), живущих в долинах Восточной Грузии, распространен вышеназванный бурдонный тип многоголосия. Как видим, налицо довольно четкая корреляция музыкальных данных именно с антропологическим делением Грузии.

Следующая ступень — Кавказ в целом. Как известно, Кавказ в языковом отношении представляет собой один из самых пестрых регионов мира. В то же время, по антропологическим данным, большинство кавказских этносов (в том числе осетины, абхазы, балкарцы, карачаевцы, адыгейцы, чеченцы, ингуши, аварцы, даргинцы, лакцы), хотя и относятся к разным языковым семьям, принадлежат к упомянутым выше кавкасионскому и понтскому антропологическим типам и соответственно представляют собой физически родственные, древнейшие автохтонные народы Главного Кавказского хребта. Этот вывод В. П. Алексеева комментируется в его книге «Происхождение народов Кавказа» следующим образом: «Антропология в данном случае доносит до нас свидетельство такой древней эпохи, которая уже не отражается в фактах этнографии и языкознания»⁸. Если же здесь констатировать довольно хорошо известный музыковедам факт наличия типологически сходных форм

⁵ Первые публикации на данную тему: *Жордания И. М.* Музыкальный язык, музыкальная культура и многоголосие // Матер. конф. «Проблемы генезиса и специфики ранних форм музыкального искусства». Дилижан, 1986; *его же.* Многоголосие и этногенез // Матер. конф. «Вопросы народного многоголосия». Боржоми, 1986; *его же.* Перспективы сравнительного изучения народного многоголосия // журн. Сабчота хеловнеба. 1987. № 5 (на груз. яз.).

⁶ *Аракчиев (Аракишвили) Д. И.* Грузинская народная музыка // Оттиски из V т. Московский этногр. комисси... (МЭК). М., 1916; *Асланишвили Ш. С.* Формы многоголосия в грузинской народной песне // Очерки о грузинской народной песне. Т. I. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.); *Zhordania J.* Georgian Folk-Singing: Its Sources, Emergence and Modern Development // Intern. Sc. F. Sci. J. P.: UNESCO. 1984. V. XXXVI. № 3.

⁷ *Абдушелишвили М. Г.* Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964.

⁸ *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 203.

вокального многоголосия именно у этих народов⁹, то становится очевидной важность музыкальных параллелей.

Чтобы показать удивительную устойчивость музыкальной культуры в экстремальных условиях, приведу два простых, но показательных примера: переселенцы из Курской в Одесскую обл. полностью перешли на украинский язык, однако сохранили родные русские песни. Интересно и то, что непонятные самим исполнителям слова курского диалекта в песнях сохранились¹⁰. Второй пример — с. Марийка Новосибирской обл. Здесь украинцы, перейдя на русский язык, сохранили украинские песни, притом с «незнакомыми» для них украинскими словами¹¹.

Однако вернемся к антропологическим параллелям. Из музыковедения известно, что самые близкие параллели многоголосий Кавказа можно найти на Балканах, где многоголосие сохранилось в отдельных очагах: это Северная Греция, о-ов Родос, Горная Албания, фактически вся Югославия и юго-запад Болгарии. Видные музыковеды-фольклористы Ц. Рихтман¹² и Н. Кауфман¹³ высказали гипотезу об общности этих очагов многоголосия как остатков древнейшей общепалейской (фракийско-иллирийской) музыкальной культуры. Во всех балканских очагах многоголосия его важнейшие закономерности типологически удивительно похожи: главная форма многоголосия — бурдон; ведущие голоса поются соло, а бас — хором; основа взаимоотношений голосов по вертикали — секунды, кварты или септимы; главное значение приобретает аккорды нетерцового строя; функциональные взаимоотношения основаны на секундовых сопряжениях; основа ладового строя — ангеитоника (пятиступенный бесполутонный звукоряд); основное направление мелодики — нисходящее и т. д. Если же учитывать, что именно эти территории — Северная Греция, Горная Албания, Югославия и Юго-Западная Болгария населены представителями динарского и понтийского антропологических типов и что (это кажется наиболее невероятным) именно данный динарский тип стоит физически ближе всего к ранее упомянутому кавкасионскому антропологическому типу¹⁴, то, забегая вперед, можно предложить следующую гипотезу: упомянутые очаги многоголосия являются остатками не фракийско-иллирийских народов (антропологи отмечают отсутствие генетической преемственности иллирийского населения с представителями динарского антропологического типа¹⁵), а древнейшего автохтонного населения Балкан, родственного народам, населяющим Кавказский хребет, истоки которого антропологи предлагают искать в протоморфных антропологических типах верхнепалеолитического населения Европы. Во всяком случае, об этом красноречиво свидетельствуют «многоголосные параллели» с антропологическими данными Балкан и Кавказа. В музыкальном отношении, чтобы не быть многословным, можно просто сказать, что все перечисленные выше за-

⁹ О многоголосии народов Северного Кавказа см.: Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов/Под ред. Гиппиуса Е. В. Т. 1. М., 1980; Абхазские песни/Сост. Ахобадзе В., Кортуа И. М., 1957; Осетинские народные песни/Сост. Галаев Б. А. Цхинвали, 1964; Танев С. И. О музыке горских татар//Вестн. Европы. Кн. 1. СПб., 1886; Ременский Е. Чечено-ингушский музыкальный фольклор. Т. I—II. Грозный, 1963, 1965; Музыкальная культура автономных республик РСФСР. М., 1957.

¹⁰ Дудник Н. Курская переселенческая традиция в Одесской области. (дипл. раб.) Одесса: Одесская консерватория, 1980.

¹¹ Материал из устного доклада (23.IV 1986) фольклориста Е. Тюриковой на XIV конференции молодых фольклористов памяти А. А. Горьковенко в Ленинградском государственном ин-те театра, музыки, кинематографии.

¹² Rihman C. O ilireskom porijeklu polifonih oblika narodne muzika Bosne i Hercegovina//Rad Kongresa Folklorista Jugoslavije. Zagreb. 1958. S. 99—104.

¹³ Кауфман Н. Многоголосие в песенном фольклоре на балканските народи//Булгарска музика. 1966. XVIII. № 2. С. 30—40.

¹⁴ Так, В. П. Алексеев пишет: «Как уже приходилось отмечать ранее, так называемая динарская раса, преобладающая на Балканах, близка антропологически типам Центрального Кавказа и сходство это имеет не синхронно-типологическое, а диахронно-генетическое значение, указывая в обоих случаях на происхождение от одного и того же пласта древнейшего населения, предположительно верхнепалеолитического времени» (Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 106).

¹⁵ Алексеев В. П., Влахович П., Иванович Б. К морфологической характеристике иллирийского населения Черногории//Сов. этнография (СЭ). 1985. № 6.

кономерности «общевалканского многоголосия» характеризуют и кавказские очаги народного многоголосия (при этом на Кавказе, в частности в Грузии, данными закономерностями далеко не исчерпывается богатство полифонических форм; особенно это касается развитой модуляционной системы, а также сложнейших полифонических образцов). Уже сам факт, что в расовых классификациях Кавказ фигурирует именно вместе с Балканами¹⁶, многозначителен. Если на «многоголосные параллели» между кавказскими народами не обращалось ранее особого внимания (в силу географической близости этих народов такие параллели трактовались как взаимовлияние культур, что вызывало недоразумения, ибо развитое вокальное многоголосие встречается именно у вышеназванных народов, а не у армян, восточных дагестанцев, азербайджанцев, ногайцев и др.), то кавказско-балканские параллели многоголосия из-за отсутствия широких поздних этнических и культурных взаимовлияний заслуживают особенно пристального внимания. Необходимость дальнейшего сравнительного изучения форм многоголосия на Балканах и Кавказе совершенно очевидна, тем более, что первые же работы¹⁷ выявили огромные перспективы научных исследований в этом направлении.

Многоголосие кроме Балканского полуострова прослеживается и в Северной Европе (особенно в Прибалтике), и на Средиземноморском побережье Европы. Кроме этого, надо отметить, что на «магистральной» Балканы — Прибалтика находятся исключительно интересные в отношении многоголосия регионы: это Карпаты и Полесье (здесь же прослеживается и понтийский антропологический тип), а также отчасти Брянская, Смоленская и Курская области. Что касается Прибалтийского региона, то, как известно, антропологи выдвигали версию связей палеонаселения Прибалтики с древними представителями населения Средиземноморья¹⁸, и, кроме того, известна их непосредственная близость к атланти-балтийской расе (о многоголосии Северной Европы см. ниже). Ареалы многоголосия в Прибалтике: почти вся Латвия (особенно запад; многоголосие отсутствует только в северо-восточной части республики — факт тоже многозначительный для антропологов, отмечающих небольшую монголоидную примесь в этом регионе), север Литвы, крайний юг Эстонии. Латышский музыковед В. Бендорф на основе типологического сходства высказал гипотезу общего происхождения прибалтийского, балканского и кавказского типов многоголосия¹⁹. И в этом направлении перед музыковедами — целина. Русское народное многоголосие, основанное на принципе вариантной гетерофонии и в своем развитии достигшее замечательных высот, встречается отдельными очагами на огромном пространстве (особенно юг и крайний север расселения русских). И форма многоголосия (гетерофония — «переходная зона» между одно- и многоголосием), и антропологический тип (тоже переходный — между северными и южными европеоидами) и здесь коррелируют в определенной степени; при этом необходимость дальнейших исследований локальных стилей русского народного многоголосия совершенно очевидна.

До того как перейти к средиземноморским очагам многоголосия, мы сделаем довольно большой географический «скачок». Дело в том, что

¹⁶ См. статью «Балкано-кавказская раса» в БСЭ (3-е изд., т. 2).

¹⁷ *Stockman E.* Kaukasische und albanische Mehrstimmigkeit//Kongressbericht «Gesellschaft für Musikforschung». Hamburg, 1956; *Жордания И. М.* Грузинское народное многоголосие и его взаимосвязи с другими многоголосными культурами//Матер. XXIV конф. Координационного совета по фольклору при АН ГССР. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.); *Цицишвили Н. Г.* Грузино-болгарские музыкальные параллели//Матер. XXV конф. Координационного совета по фольклору при АН ГССР. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).

¹⁸ *Чебоксаров Н. Н.* Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики//Матер. Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. 1954. Т. XXIII; *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969. С. 91—93.

¹⁹ *Бендорф В.* Латышское народное многоголосие и его возможные внешние связи//Вопросы народного многоголосия. Тбилиси, 1985; *его же.* К вопросу о взаимоотношении Прибалтийского и Балканского очагов народного многоголосия//Матер. конф. «Вопросы народного многоголосия». Боржом, 1986.

среди всех народов Поволжья особо богатой культурой многоголосия выделяются мордва и коми-пермяки. Факт принадлежности мордвы (мокши и эрзя) к финно-уграм хорошо известен, однако их многоголосие — явление уникальное среди всех остальных финно-угров (некоторые параллели можно провести лишь с сету). В то же время развитое функциональное двух-, трех-, четырехголосие на бурдонной основе позволяет говорить о типологическом сходстве между мордовским и балкано-кавказским типом многоголосия. Чтобы прояснить эту странную параллель, надо отметить, что из всех народов Поволжья древний европеоидный антропологический тип в наиболее чистом виде сохранился именно у мордвы²⁰. Можно еще вспомнить, что наиболее чисто и полно традиция многоголосного пения сохранена у мордвы-мокши²¹; небезынтересно, что, по антропологическим данным, именно у мокши прослеживается понтийский (западно-кавказский) антропологический тип²². Понтийский тип выделен и среди иньвенских коми-пермяков, самых «многоголосных» из групп коми-пермяков²³. В связи с этим надо специально подчеркнуть, что «многоголосные параллели» (как и антропологические) совершенно не обязательно свидетельствуют о поздних миграциях народов, ибо при условии максимальной изоляции (сохранности генофонда) можно, видимо, предполагать древнейшие связи этнических групп, а не позднейшие их контакты и взаимовлияния.

В Средиземноморском бассейне (конкретнее — в его европейской части) многоголосие (в основном бурдон) встречается отдельными очагами. Главным образом эти очаги сконцентрированы в Альпах (Северная Италия, высокогорная Швейцария, Австрия), а также на островах Сардиния, Сицилия и Корсика, в Пиринейских горах Франции и Испании (кстати, к сожалению, достоверный фактический материал, несмотря на огромный интерес к «грузино-баскскому» вопросу, почти отсутствует). Есть отдельные примеры из Каталонии и Португалии²⁴.

На севере Европы многоголосие можно отметить в Исландии (где многоголосные песни были записаны и в наше время), а также в Уэльсе, Ирландии, Шотландии (особенно на севере), Дании, в Южной Норвегии. О широком распространении в этих странах традиции многоголосного пения свидетельствуют данные Геральда де Бари (XII в.) и ирландские саги²⁵. К сожалению, до нас не дошли достоверные музыкальные образцы этого периода, но косвенные данные (ведение главной мелодической линии в среднем голосе, названия нижнего и верхнего голосов соответственно «басом» и «высоким басом» и т. д.) позволяют заключить, что североевропейское народное многоголосие входило в общий пласт древнеевропейского типа многоголосия. В этом контексте необходимо вспомнить многолетний спор о причинах морфологического сходства целого комплекса признаков североевропейских и некоторых южноевропейских рас²⁶ (например, альпийского, динарского, кавказского). Музыкальные данные, как видим, поддерживают предположение об их древнейшем генетическом родстве.

Если постараться в самых общих чертах охарактеризовать упомянутый выше «древнеевропейский» тип многоголосия, то исходные данные будут таковы: 1) в основном это бурдон; 2) верхние голоса поются соло, бас — хором; 3) общая тенденция взаимоотношения голосов — координация на диссонирующие интервалы: кварты, секунды.

До сих пор все наши рассуждения о параллелях многоголосия с антропологическими данными не выходили за пределы Европы. Обратимся

²⁰ Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. С. 157.

²¹ Бояркин Н. И. Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 1. Саранск, 1981.

²² Марк К. Ю. Этническая антропология мордвы//Тр. Ин-та этногр. АН СССР. Т. XIII. М., 1960.

²³ Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии//СЭ. 1946. № 2.

²⁴ См.: Schneider M. Geschichte der Mehrstimmigkeit. Tutzing, 1969. ч. III.

²⁵ См. Грубер. Р. И. Указ. раб. С. 507.

²⁶ Обзор см.; Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. С. 125—137.

теперь к другому, по сей день живущему полнокровной жизнью громадному «многоголосному региону» — Африке.

Исходные данные «общеафриканского» народного многоголосия весьма значительно отличаются от «общеевропейского». Это: 1) отсутствие бурдона; 2) обилие параллельных движений; 3) главный принцип голосоведения — перескакивание через одну ступень²⁷; 4) основу взаимоотношения голосов по вертикали составляют консонансы — терции и трезвучия (известные «фанфарные» трезвучные ряды). Этот тип многоголосия в многочисленных локальных проявлениях встречается южнее Сахары фактически по всей Центральной и Южной Африке (включая бушменов и пигмеев), а также на Мадагаскаре. Как известно, именно южнее Сахары лучше сохранена и негроидная раса. Общность музыкальных традиций негритянского населения Африки хорошо известна, но для нас исключительно важен факт, что тот же самый «общеафриканский» тип многоголосия мы встречаем у негроидного населения в Меланезии²⁸. Кроме Меланезии этот же тип (в несколько ослабленном виде) встречается в Микронезии и Австралии. В антропологической литературе нет единого мнения насчет принадлежности населения рассмотренных регионов к известным большим расам. В этой связи можно только отметить, что музыкальные данные говорят о значительном участии в происхождении австралийских, микронезийских и особенно меланезийских народов групп африканского происхождения.

Говоря об огромном регионе Океании, невозможно не коснуться последнего, наиболее мощного очага многоголосия — Полинезии. При этом, что кажется совершенно поразительным, основные характерные черты полинезийского многоголосия явно напоминают «общеевропейский», и даже более конкретно — средиземноморо-балкано-кавказский тип многоголосия (это отмечал еще М. Шнайдер, связывая очаги многоголосия с распространением мегалитических культур²⁹). Чем это объяснить — вопрос особый, но исключительный интерес представляет уже тот факт, что большинство советских и зарубежных антропологов отмечают участие европеоидного компонента в антропологическом облике полинезийцев³⁰. Разумеется, дело будущего — вынести окончательное решение по этому вопросу, но ясно, что музыкальная культура полинезийцев может оказаться еще одним, притом немаловажным, фактором для выяснения спорного вопроса их происхождения.

И уже последняя, поистине глобальная параллель — это хорошо известный в антропологии вопрос о двух основных расовых стволах: восточном (объединяющем по общему происхождению монголоидов и американоидов) и западном (объединяющем европеоидов, негроидов, а по В. П. Алексееву, — и австралоидов)³¹. Вспомнив все те регионы, о которых мы говорили, нетрудно заметить, что вокальное многоголосие как общая черта свойственна антропологическим популяциям именно западного расообразовательного ствола.

В. П. Алексеев пишет в связи с соотношением социально-культурных и антропологических данных: «Итак, соотношение между социально-культурными и расовыми общностями носит сложный характер и не допускает однозначного решения. Чем больше те или иные комплексы культурных элементов или явлений связаны с генезисом этнических групп и популяций, иными словами, чем больше их этногенетическое значение, тем больше совпадение их ареалов с очагами расообразования. Культурные же комплексы, возникающие в процессе хозяйственной деятельности людей, их приспособления к географической среде, очевид-

²⁷ Кубик Г. Многоголосие и звуковые системы Центральной и Восточной Африки// Музыка народов Азии и Африки. Вып. 3. М., 1980. С. 332—396.

²⁸ Чекановска А. Музыкальная этнография (методология и методика). М., 1983. С. 108, 128.

²⁹ Schneider M. Op. cit. III, S. 21.

³⁰ См., например, статью «Расы человека» в БСЭ (3-е изд. Т. 21).

³¹ Известна даже все более и более подтверждающаяся гипотеза о двух очагах сапиентации — Восточном и Западном. См. об этом: Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974.

но, не имеют генетического значения и поэтому не совпадают в своем географическом распространении с расовыми общностями»³². Как видим, тип музыкального мышления (в данном случае конкретное его проявление — многоголосие) не попадает в упомянутый выше «социально-культурный» комплекс именно по причине значительного географического совпадения с ареалами расообразования. Поэтому допустимо предположить, что народная музыкальная культура несет в себе «генетические заряды» чуть ли не всего исторического пути развития человечества — не только художественного, но и биологического.

Вернемся опять к факту совпадения многоголосия с географическим распределением западного расообразовательного ствола. Может ли это быть случайным? Ведь признав данный факт неслучайным (а о том говорят все приведенные выше параллели), мы приходим к выводу о том, что многоголосие — чуть ли не досапиентационное явление (во всяком случае, различие одноголосие — многоголосие достигает нижнего палеолита, когда западный расообразовательный ствол еще не был дифференцирован на австралоидов, европеоидов и негроидов). Для ответа на такой кардинально важный вопрос обратимся к самой сущности музыкального языка.

Здесь умышленно не употребляется понятие «музыкальная культура», ибо совершенно очевидно, что на столь ранней стадии становления человека музыку надо рассматривать в социальном аспекте — как коммуникативную систему.

В связи с этим вспомним хорошо известный современной науке факт: первой, самой удобной и универсальной коммуникативной системой в животном мире является вокализация, т. е. интонирование — передача хотя бы элементарного смыслового материала без языковой (членораздельной) речи. О важности вокализации как первичной коммуникативной системы, о конкретных типах вокализации в животном мире (от насекомых до человекообразных обезьян) особенно много специальных работ появилось за последние два десятилетия³³. В современной науке хорошо известна огромная роль вокальной коммуникации на самой ранней стадии развития человеческого общества³⁴ и в формировании языка как особого, качественно нового феномена. Если же учитывать и первичную форму человеческой (т. е. социальной) коммуникации — коллективность, то необходимо принимать во внимание и естественное проявление первичной коммуникативной системы — коллективную вокализацию, т. е. первичное многоголосие³⁵. Кстати, в связи с этим сложнее обстоит дело с одноголосием, и, если бы не принадлежность фактически всего восточного расообразовательного ствола к этому типу музыкального мышления, то гораздо правдоподобнее выглядела бы гипотеза о происхождении одноголосия от многоголосия.

Современными нейроисследованиями мозга установлено, что музыкальное восприятие у человека находится в правом, реликтовом полушарии³⁶. На наш взгляд, это является серьезным подтверждением генетической обусловленности музыкального типа мышления, как и опыты, которые показали, что многоголосная музыка легче воспринимается левым ухом (т. е. правым, «реликтовым» полушарием)³⁷. Очень интересны результаты проведенных в Тбилиси опытов, в ходе которых выяснилось, что новорожденные разных национальностей плачут по-разному,

³² Алексеев В. П. Человек. Эволюция и таксономия. М., 1985. С. 88.

³³ Обзор лит. см.: Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984.

³⁴ Livingston F. Did the Australopithecus Sing?//Current Anthropology. Vol. 14. 1973. № 1; Алексеев В. П. Становление человечества. С. 190, 215, 224.

³⁵ Вспомним определение Б. В. Асафьевым многоголосия как «коллективного обнаряживания музыки»: Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. М., 1971. С. 88.

³⁶ Gordon H. W. Hemisphere Asymetry and Musical Performance//Science. V. 189. 1975. 4 July; Иванов Вяч. Вс. Нейросемиотический подход к зарождению музыкальной традиции//Матер. конф. «Проблемы генезиса и специфика ранних форм музыкального искусства». Дилижан, 1986.

³⁷ Gordon H. W.//Ibidem.

на разные гласные звуки³⁸ (а гласные — это «база» для интонирования, вокализации). Все это лишний раз убеждает, что музыкальное мышление — явление исключительной важности ввиду своей генетической устойчивости и его нельзя игнорировать при исследованиях этногенеза, расогенеза и даже проблем происхождения человека.

В заключение выскажу еще одну гипотезу. Как известно, происхождение человека теснейшим образом связано с так называемой «гоминидной триадой»: прямохождение, формирование кисти руки и увеличение объема мозга. При этом, известно, что все отмеченные преобразования проходили несинхронно — позже всех произошло качественное увеличение объема мозга (на неандертальской стадии). В этой связи представляется логичным предположить, что последняя, точнее, окончательная стадия сапиентации — увеличение объема мозга связана с принципиально новым типом коммуникации и мышления человека — с появлением членораздельной речи. Ведь сам факт, что центры речи, в отличие от музыкальных центров, находятся у современного человека в левом, сравнительно «позднем» полушарии, говорит в пользу этого предположения. О появлении языка на неандертальской стадии развития писал и А. А. Леонтьев³⁹. Таким образом, по-видимому, первая стадия сапиентации должна была проходить на основе общения, коммуникации при помощи вокализации, интонации и постепенного усложнения социальной взаимообусловленности членов первобытных сообществ, что со временем привело к более четкой и богатой коммуникативной системе — появлению членораздельной речи, а это в свою очередь и вызвало резкое увеличение объема мозга и, видимо, окончательное формирование *Homo sapiens*.

* * *

Каковы же итоги изложенного?

1. Многоголосие — явление нестадиальное и не продукт высокоразвитой культуры. Данный подход, по мнению автора, наиболее оправдывает себя как с фактической (исторической), так и с философской точек зрения.

2. Одноголосие и многоголосие соответственно следует рассматривать как два генетически разных типа музыкального мышления, и ставить вопрос о хронологическом, стадиальном или даже эстетическом приоритете одного из них совершенно неоправданно.

3. В свете вышесказанного автор склонен считать, что гетерофония в узком смысле этого термина — это не переходная стадия от одноголосия к многоголосию, а результат смешения первичных одноголосного и многоголосного пластов, точнее, носителей одноголосной и многоголосной культур (об этом говорит и основной ареал унисонно-гетерофонных форм многоголосия).

4. Видимо, при «сталкивании» одноголосного и многоголосного типов мышления более «стойким» оказывается одноголосие. Поэтому даже при небольших смещениях народов и культур это могло привести к фатальным результатам именно для многоголосия. Во всяком случае, если «одноголосная ойкумена» покрывает фактически всю территорию восточного расообразовательного ствола, то «многоголосная ойкумена» на сегодняшний день представлена в виде громадного количества отдельных «лоскутов» (особенно в Европе). Другими словами, если отсутствие многоголосия не является доказательством отсутствия европеоидности (или негроидности) этноса, то его наличие обязательно указывает на генетические «импульсы», идущие от западного расообразовательного ствола.

5. Происхождение многоголосия связано с процессом становления первобытного человеческого общества, для которого «коллективная со

³⁸ Джaparидзе З. Н., Стрельников Ю. А. Некоторые наблюдения над плачем новорожденных разной национальности и пола // Анализ речи. Тбилиси, 1982. С. 104—110.

³⁹ Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие речи. М., 1963.

циализация» была самой важной предпосылкой для становления Homo sapiens. Стадиальность происхождения многоголосия как особого рода коммуникативной системы связана именно с появлением «коллективной социализации» у пресapiенсов гоминид.

6. Сравнительные исследования многоголосия и антропологических данных, а также материала нейроисследований указывают на то, что многоголосие (более широко — вообще тип музыкального мышления) является не только частью культуры, но и, видимо, весьма устойчивой частью генофонда народов, больших рас и даже расовых стволов. Именно генетическая обусловленность многоголосия подтверждается тем обстоятельством, что оно не распространяется адстратным путем.

7. Анализ этногенеза народов, где состав популяции антропологически неоднороден и где многоголосие встречается только у некоторых этнических групп, свидетельствует о том, что многоголосие гораздо больше коррелирует с процессами расогенеза, чем этногенеза.

8. Музыкальный язык, видимо, первая, «доязыковая» коммуникативная система, сыгравшая громадную роль на первых порах сапиентации и подготовившая почву для появления более совершенной формы коммуникации — членораздельной речи. Появление музыкальной культуры — продукт гораздо более поздней эпохи. Многоголосие как феномен художественной культуры возникает на основе многоголосия как феномена первично социального.

И в конце автор должен с сожалением отметить, что жанр журнальной статьи требует лаконизма, поэтому пришлось излагать свои взгляды на столь глобальные и важные вопросы, опуская цитаты из соответствующей специальной литературы, довольно грубо очерчивая некоторые тонкие переходные формы. Наверное, было бы интересно написать также о возможных путях миграции народов — носителей многоголосия западного расообразовательного ствола через побережье Индийского океана (наличие многоголосия на юге и северо-востоке Индии⁴⁰); о многоголосии горных вьетнамцев, по антропологическим данным, тяготеющих к океанской группе⁴¹; о тайственных айнах⁴² — древнейших жителях северной части Японии, имеющих развитые формы вокального многоголосия⁴³; о гипотетическом пути миграции полинезийцев из Средиземноморья через Центральную Америку (по археологическим данным, многоголосие, притом «средиземноморо-балкано-кавказского» типа, должны были иметь древние ольмеки и ацтеки); о спорных, но все-таки существующих небольших рудиментах многоголосия у западных тувинцев (сведения о нем — с IX в.), западных монголов, горных алтайцев, некоторых групп хакасов и даже якутов⁴⁴; о наличии многоголосия у народов древней Передней Азии — шумеров, хурритов⁴⁵, при этом, по данным древнешумерской глиняной пластинки с записью музыкального произведения, а также по древним переднеазиатским музыкальным инструментам, музыкальные закономерности древнего переднеазиатского многоголосия (бурдонный тип, преобладание квартовых, квинтовых, секундовых созвучий и т. д.) удивительно совпадают с общими закономерностями кавказского и балканского (особенно сванского и албанского) многоголосия; о фактах генетической устойчивости многоголосного типа музыкального мышления⁴⁶; о роли музыкальных инструмен-

⁴⁰ Ср. Алексеев В. П. Человек. Эволюция и таксономия. (см. карту на с. 108).

⁴¹ Ср. Аксянова Г. А., Золотарева И. М., Зубов А. А. Этническая одонтология Вьетнама как источник изучения взаимодействия монголоидных и экваториальных форм в Юго-Восточной Азии//СЭ, 1986. № 4.

⁴² О европеоидности айнов писали И. Швидецкий, Е. Ейкштедт, Г. Монтандон. Обзор. См. Алексеев В. П. География человеческих рас. С. 158—159.

⁴³ Танимото К. Традиционная музыка айнов. Токио, 1965 (на япон. яз.).

⁴⁴ Алексеев Э. Е. Есть ли у якутов многоголосие?//Сов. музыка. 1967. № 5.

⁴⁵ Жордания И. М. К вопросу о грузино-шумерских музыкальных параллелях//Матер. XXVI конф. Координационного Совета по фольклору при АН ГССР. Тбилиси. 1987 (на груз. яз.).

⁴⁶ Жордания И. М. Народное многоголосие и вопрос генетической устойчивости основных принципов музыкального мышления//Матер. XXV конф. Координационного Совета по фольклору при АН ГССР. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).

тов (особенно двойных духовых), позволяющих по археологическим данным реконструировать наличие многоголосного типа мышления у некоторых исчезнувших народов⁴⁷; об инструментальном многоголосии вообще, сохранившем, видимо, некоторые следы древнего пласта многоголосной традиции (Азербайджан, Армения, вся Средняя и Передняя Азия, Северная Африка, Юго-Восточная Азия); о своеобразном «половом диморфизме» многоголосия (есть регионы, где многоголосную традицию встречаем только у мужчин или в большей степени — только у женщин), отмеченном также антропологами; о возможной причине господства одноголосия в Восточном расообразовательном стволе; о других элементах музыкального творчества, возможно, также генетически обусловленных (ритм, лад), и о многом другом. Но даже ограничиваясь изложенным выше, можно с уверенностью сказать одно: дальнейшее всестороннее исследование народного многоголосия⁴⁸, этого удивительного по своей устойчивости социально-художественного феномена, при оценке полученных результатов без предвзятых мнений может привести нас к постановке и решению многих кардинальных проблем современной науки о человеке в новом свете.

⁴⁷ *Жордания И. М.* Грузинское народное многоголосие и его взаимосвязи с другими многоголосными культурами. С. 39 (на груз. яз.); *его же.* К вопросу о грузино-шумерских музыкальных параллелях. С. 17 (на груз. яз.); *Николадзе К. Р.* Об одном своеобразии двойных духовых музыкальных инструментов//Матер. XXV конф. Координационного совета по фольклору при АН ГССР. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.); *ее же.* Двойные духовые музыкальные инструменты и проблемы вокального многоголосия//Матер. науч. конф. «Вопросы народного многоголосия». Боржоми, 1986.

⁴⁸ На первых специальных конференциях, посвященных вопросам народного многоголосия, с участием специалистов из Советского Союза (1984, Тбилиси) и Балкан (1986, Боржоми) наметились в этом отношении интересные перспективы.

А. Б. Островский

ШКОЛА ФРАНЦУЗСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА: ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ

Если условиться вести речь не о структуралистском направлении вообще, но именно о структуралистской школе во французской этнологии¹, то ее оформление можно датировать 1960 г. Именно в этом году началась педагогическая деятельность Клода Леви-Строса в Коллеж де Франс. Данное событие по времени совпало с созданием Лаборатории социальной антропологии и появлением французского антропологического журнала «L'Homme». Оба эти начинания связаны также с именем Леви-Строса. Последовавшее затем двадцатилетие стало периодом расцвета французского этнологического структурализма. В 1960—1980 гг. получили значительное развитие как некоторые общие вопросы методики, так и способы приложения ее к изучению различных сфер жизни традиционных обществ.

Если воспользоваться высказанным в отечественной литературе историографическим определением структуралистской методики как «прививки достижений структурной лингвистики к традициям французской социологической школы»², то плоды такой «прививки» созревают как раз в этот период.

¹ В науковедческой литературе до сих пор нет четкого разграничения таких понятий, как «научное направление» и «научная школа». См.: Школа//БСЭ (3-е изд.). 1978. Т. 29. С. 1258; *Ярошевский М. Г.* Интернациональное и национальное в развитии научных школ. М., 1977. Вместе с тем употребление второго из этих понятий подразумевает наличие определенной степени организационного единства у тех, кого можно отнести к данной школе.

² *Мелегинский Е. М.* К вопросу о структурно-семиотическом методе в фольклористике//Семиотика и художественное творчество. М., 1977. С. 161.